

IV. Рецензии и документы

Richard Overy: *Die Diktatoren. Hitlers Deutschland, Stalins Rußland*. Aus dem Englischen von Udo Rennert und Karl Heinz Siber. München, DVA 2005, 1023 S., 48 € [Ричард Овери. *Диктаторы. Гитлеровская Германия, сталинская Россия*. Перевод с английского Удо Реннерта и Карла Хайнца Зильбера. Мюнхен, немецкий издательский дом 2005, 1023 с., 48 евро]*

Почему Освенцим? Почему ГУЛлаг? Эти центральные вопросы «короткого XX столетия» до сегодняшнего дня будоражат европейское самосознание.

Почему Германия и Россия? Почему самое радикальное отрицание западных ценностей произошло именно в этих двух странах? Этот вопрос еще ждет адекватного ответа. Чтобы его получить требуется сравнительный, базирующийся на обширной документальной базе анализ тоталитарных режимов левого и правого толка. Но осуществление этого замысла сталкивается с чрезвычайно трудностями, которые вызваны в первую очередь тем, что исследования фашизма и коммунизма уже с начала 60-х гг. – с момента вытеснения теории тоталитаризма на периферию научных интересов – развивались все более независимо друг от друга. В анализе современных диктатур исследователи все реже обращались к чрезвычайно содержательным, несмотря на их несовершенство, компаративистским подходам, которые были разработаны в рамках теории тоталитаризма. Многие ошибочные толкования т.н. немецкого «спора историков» 1986-88 гг. или некоторые неубедительные тезисы вышедшей в 1997 году в Париже «Черной книги коммунизма» связаны, не в последнюю очередь с тем, что исследования фашизма и коммунизма имеют мало точек соприкосновения.

В представленной здесь книге предпринимается попытка восполнить этот пробел, по крайней мере, в одном из важнейших пунктов, а именно в сравнении национал-социалистического и сталинского режимов. В своем труде Овери представляет сравнение техник захвата власти, систем террора, культов личности, идеологий, культурной, экономической и военной политики обоих режимов, а также их предыстории – чрезвычайно амбициозный замысел, если принять во

---

* Эта рецензия представляет собой расширенную версию рецензии на книгу Овери, первоначально опубликованную в интернет-журнале *Sehepunkte. Rezensionen für die Geschichtswissenschaften* [Точки зрения. Рецензионный журнал исторических наук]. 2006. Т.6. №1 (www.historicum.net/sehepunkte).

внимание, что до сих пор автор был известен в основном своими работами в области военной и экономической истории.

Уже во вступлении бросается в глаза, что в ряде затронутых им тем, автор подходит к пределам своих исследовательских возможностей. Это касается, прежде всего, некоторых аспектов российской истории. Так, например, говоря о некоторых сходствах между немецким Рейхом и царской империей он утверждает: «В обоих случаях речь идет о федеральной системе со значительным элементом децентрализованного управления» (С.22). На самом деле, дореволюционная Россия была унитарным и централизованным государством за некоторыми исключениями. Только Финляндское княжество с 1809 года и Польское королевство в 1815-1831гг. располагали достойной упоминания автономией. Это были, однако, автономные островки в унитарно-структурированной огромной империи. В основных законах Российской империи 1906 года было указано, что царская империя является «единой и неделимой».

И с советской историей раннего периода у автора возникают значительные проблемы. Так он пишет: «В отличие от советской системы, где разделение власти формально оставалось в силе, [нацистское] правительство фактически объединило в своих руках исполнительную и законодательную власть» (С.105). В действительности же большевики гордились тем, что они упразднили разделение властей, считавшееся ими пережитком буржуазной эпохи. В статье 7 первой советской Конституции, принятой в июле 1918 года (а не в декабре 1922г., как утверждает автор – С.102), Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов был назван «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом» государства.

Неубедительными представляются также некоторые общие суждения, представленные автором в отношении современных дискурсов о сталинизме и тоталитаризме. Например, Овери утверждает, что новые архивные находки со времен краха коммунизма пошатнули господствовавший до этого образ Сталина, как абсолютного диктатора: «Парадигма абсолютной и нераздельной власти, которая [якобы] осуществлялась лишенными какой-либо морали диктаторами ... была и есть иллюзией политической науки» (С.117).

Тот факт, что в советологических исследованиях уже в 70-х годах., т.е. за два десятилетия до открытия советских архивов, была произведена основательная ревизия существовавшей до сих пор модели тоталитаризма, и что эти «ревизионисты» уже тогда указывали в своих исследованиях на хаотичные и непланомерные элементы сталинизма, а также на относительность эффективности руководящего аппарата, кардинально противоречит утверждению Овери. Недооценка роли Сталина в сталинском режиме «ревизионистскими» авторами в свое время послужила причиной следующего высказывания Бернда Бонвеча: «последовательным образом в подобных толкованиях сталинизма сам Сталин почти полностью отсутствует» (*Sozialwissenschaftliche Informationen* [Общественно-научные ин-

формации]. 1988. №2. С.123). В противоположность суждениям Овери, в первоисточниках, вышедших на поверхность после падения коммунистического режима, Сталин ни в коей мере не изображен «слабым» диктатором. Напротив, они наглядно демонстрируют, насколько центральной была роль Сталина в тогдашней системе, например, во времена «великого террора», подрывая тем самым тезисы «ревизионистов».

С характеристикой классических теорий тоталитаризма, данной Овери, тоже не во всем можно согласиться. По его утверждению классические теории определяли тоталитарную диктатуру как «безжалостное господство над беззащитным населением», в то время как в действительности, по словам автора, «широкие слои немецкого и советского населения зачастую поддерживали диктатуру с восторгом и преданностью, или, по крайней мере, всеобщим одобрением» (С. 408). Как будто этот факт когда-либо оспаривался защитниками «традиционной тоталитарной модели», например, Ханной Арендт, Карлом Фридрихом или Збигневом Бжезинским!

Сильные стороны книги обнаруживаются, когда автор переходит к изначальным направлениям своих исследований – военной и экономической политике. При сравнении национал-социалистической и сталинской экономической политики автор книги находит поразительное количество параллелей. Поэтому он предостерегает от переоценки того факта, что национал-социалистическая система была «капиталистической», а сталинская – «социалистической». В обоих государствах можно было наблюдать захватывающий дух рост промышленного производства «в условиях относительной экономической изоляции... внешняя торговля, как в Германии, так и в Советском Союзе уменьшилась в период между 1928 и 1937 на две трети... Оба государства сознательно приняли решение изолировать себя от мирового рынка, заменив внешние кредиты капиталом из внутренних источников» (С.525, 551).

Овери проводит еще одну аналогию между двумя системами: в обоих случаях речь идет о «военной экономике в мирное время». С 1928 по 1938гг. расходы на оборонную промышленность в обоих государствах возросли в 26 раз (С.556).

Как отмечает Овери, управление экономикой проводилось не только в Советском Союзе, но и в Третьем Рейхе: «Нельзя не заметить, что основные формы частной собственности выжили в Третьем Рейхе, но не менее очевидно, что ... государство все интенсивнее эту собственность [контролировало]... Даже если частной собственности большинства немцев со стороны национал-социалистического государства непосредственно ничего не угрожало, расистские и национальные приоритеты режима обеспечивали возможность обхождения разными способами правовых гарантий в области частной собственности» (С.577-578).

Несмотря на обоснованную аргументацию Овери невозможно избавиться от впечатления, что он несколько преувеличивает степень родства между этими двумя экономическими системами. Тот факт, что НСДАП пришла к власти совер-

шенно другим путем, нежели большевистская партия, а именно с помощью компромисса с некоторыми частями правящего истеблишмента, вынудил Гитлера, несмотря на неоднократно выраженное им сожаление, проводить политику сдерживания «второй революции», которой добивалась радикальная часть национал-социалистического движения. И даже после неудачного покушения 20 июля Гитлер не решился расправиться со старыми элитами на сталинский манер – несмотря на свое восхищение тем, как Сталин, в свою очередь, обошелся с советскими элитами. Решающий бой с аристократией должен подождать, пока не закончится война, сказал он после 20-го июля. Сейчас неподходящий момент для народного раздора (см. Ian Kershaw. *Hitler 1936–1945*. Штутгарт 2000. С.903).

Разумеется, исследования Овери распространяются не только на сходства, но и на различия между двумя режимами, особенно наглядно в тех главах, в которых он анализирует их тоталитарную идеологию и лагерную систему. Так, например, он указывает, что в сталинском ГУЛаге, несмотря на все его ужасы, не было лагерей смерти, как Освенцим-Биркенау, Трешлинка, Белжец, Собибор или Хелмно, в которых людей уничтожали иногда через считанные часы после их прибытия (С.805-806). Основополагающие различия состояли и между национальными составами узников лагерей в обеих системах: «Советское государство в основном сажало своих собственных жителей, в то время, как немецкие лагеря [в военные годы] были переполнены иностранцами» (С.815). Кроме того, советские ведомства пытались распространить свою доктрину с помощью так называемой «культурной работы». «В немецких лагерях [напротив] не было ответственных за культуру» (С.822).

Этот последний отличительный признак был тесно связан с различными идеологическими установками обоих режимов, которые детально анализируются в книге. Расистская модель мышления НСДАП, которая исходит из неизменности биологических законов, сравнивается с большевистским или сталинским пониманием гибкости человеческой природы, на которую можно повлиять с помощью внешних факторов, то есть, с помощью так называемого «воспитания» или «агитации (культурно-просветительной работы)».

Но также несомненны и родственные черты в идеологических строениях обеих диктатур. Овери говорит в этой связи о неприятии современного авангардистского искусства, которое считалось в обоих режимах «выродившимся (деградировавшим)». Одновременно с этим автор отмечает, что это неприятие авангарда не имело ничего общего с тоской по «старому доброму времени», но было составной частью революционной программы обеих диктатур, которые поставили своей целью создание «нового человека». Здесь Овери подчеркивает, что содержания обеих программ, другими словами утопий, несмотря на схожесть методов, с помощью которых Сталин и Гитлер пытались их осуществить, диаметрально отличались друг от друга. Это была биологическая утопия в одном случае и социальная в другом. В обоих случаях попытки осуществить эти утопические

мечты привели к реализации «кошмара насилия, дискриминации и преследования» (С.350).

Рассуждения Овери о тоталитарных идеологиях или о тоталитарном искусстве менее оригинальны, нежели его анализ тоталитарной экономической и военной политики. Оскар Анвайлер или Игорь Голомшток уже высказывали подобные мысли. Тем не менее, содержательное сопоставление предыдущих результатов исследований, которое презентует Овери, делает значительный вклад в понимание своеобразия обеих диктатур.

Тем более курьезными кажутся в связи с этим поразительные фактологические ошибки, которые содержит книга даже в некоторых из самых своих содержательных пассажей, и которые, видимо, объясняются недостаточным знанием автором русского языка, а также его недостаточной осведомленностью с некоторыми главами российской истории.

Так, Овери пишет в связи с изменениями, которые произошли в Красной Армии за время германско-советской войны, следующее: «Обращение "товарищ" использовалось в войсках все реже, на его место все больше приходили отличительные звания» (С.704). В действительности же обращение «товарищ» использовалось и дальше, но в сочетании с личным званием: товарищ капитан, товарищ майор и т.д.

Переведенный на русский язык приказ немецких оккупационных властей в Белоруссии в книге указан как «объявление на белорусском языке».

Князь новгородский и великий князь владимирский Александр Невский, который в 1242 году (а не в 1245) выиграл битву на Чудском озере, объявлен Овери московским князем (С.741). Становление Москвы, как самого могущественного русского княжества, началось, однако, уже после смерти Невского.

Бородинское сражение состоялось в 1812, а не в 1811 году (С.740), паспорта внутрисоветского пользования были введены в 1932, а не в 1934 году (С.755), тело Сталина было изъято из Мавзолея в 1961, а не в 1959 году (С.186). Российский религиозный философ и критик большевизма Николай Бердяев характеризуется в книге как «мессианский большевик» (С.363).

Также и значение празднеств в память о победе над Третьим Рейхом оценивается автором не совсем точно. В этой связи он пишет: «Празднества в память Дня Победы, которые проходят каждый год девятого мая, отмечаются с бóльшей серьезностью и размахом, нежели другие праздники в партийном календаре» (С.713). На самом деле Сталин не хотел проводить и дальше парад Победы, который впервые состоялся 24 июня 1945 года, с тем же размахом. Только в 1965 году День Победы был объявлен официальным праздником Советского Союза (Рудольф Пихоя. *Советский Союз: История власти 1945–1991*. Москва 1998. С.285).

Таким образом, следует отметить, что книга содержит как очень удачные места, так и промахи, что неудивительно, если учесть, насколько обширным являет-

ся исследование Овери. Несмотря на ряд недостатков, эта монография вносит определенный вклад в развитие сравнительных исследований тоталитарных диктатур. Это в первую очередь относится к блестящей главе об экономической и военной политике Третьего Рейха и сталинского Советского Союза.

Леонид Люкс

(Перевод с немецкого: Елена Сивуда)

Robert Horvath: *The Legacy of Soviet Dissent. Dissidents, democratization and radical nationalism in Russia* (= BASEES Series in Russian and East European Studies 16). London, New York: RoutledgeCurzon 2005. 293 S. ISBN 0-415-3320-2. £80.00 [Роберт Хорват: *Наследие советского инакомыслия. Диссиденты, демократизация и радикальный национализм в России* (= Серия российских и восточноевропейских исследований Британской ассоциации изучения славянского и восточноевропейского мира, т.16). Лондон, Нью-Йорк: РоутледжКурзон 2005. 293 с. ISBN 0-415-3320-2, 80,00 фунтов стерлингов]

Единственное критическое замечание, которое приходит мне в голову относительно этого детализованного и теоретически взискательного исследования, является цена книги, которая закрывает доступ к этому важному исследованию многим потенциально заинтересованным читателям. Этот не слишком толстый том продается в Германии за 120,99 евро, а в США за 170 долларов! Хорват представляет в своей книге новаторскую и аргументированную интерпретацию определяющих факторов развала советской системы. Его многочисленные интересные наблюдения останутся однако не услышанными широкой аудиторией, так как приобретение этой драгоценной книги смогут позволить себе лишь несколько избранных университетских библиотек и научных институтов.

Труд Хорвата важен тем, что он дополняет до сих пор доминирующие интерпретации источников и хода Перестройки несколькими важными аспектами. В то время как в исследованиях, например, Джерри Хафа (Jerry Hough) и Арчи Брауна (Archie Brown) представители советской научной, промышленной и политической элиты выступают основными инициаторами и воплощателями реформ и, в конце концов, самой революции 1985-1991 гг., Хорват обращает внимание на советское диссидентское движение как определяющий фактор. В представлении Хорвата диссиденты играли существенную роль при создании «кон-

тробщественности», хоть и насильственно подавляемой, но, тем не менее, пользующейся влиянием. Хорват убедительно доказывает, что одно лишь присутствие диссидентов, их страдания, их поношения и преследование поздним советским режимом значительно способствовали его делигитимизации. Хотя диссиденты едва ли имели непосредственное влияние на политическое руководство СССР, их публикации в Самиздате или Тамиздате нашли отклик в культурной жизни и политическом мышлении определенных кругов многонационального государства. Таким образом, идеи Александра Солженицына, Андрея Сахарова или Игоря Шафаревича оказывали, хотя и только опосредованный, но вполне ощутимый эффект на академическую и интеллектуальную среду советского общества, предлагая альтернативные рамки интерпретации российской и всемирной истории, как и будущего мира.

Оценка реального вклада диссидентов в дискредитацию постсталинского режима и в инициирование горбачевских реформ, бесспорно, трудноразрешимая задача. Такое определение связано с большими методологическими вызовами для исследователя. Что же касается более позднего периода Перестройки, то здесь с большей уверенностью можно говорить о значительном влиянии на тот момент частично уже умерших, постаревших или давно высланных диссидентов. Как только Горбачев дал понять, что он употребляет понятие «гласность» (которое также использовал Брежнев) по назначению, час диссидентов пробил. Они были лучше подготовлены, нежели их конкуренты из различных научных институтов и культурных учреждений к открытию коммуникативного пространства. В то время как партийные функционеры, журналисты, и интеллектуалы еще спорили о том, как нужно оценивать ленинизм и сталинизм и каким путем должен идти Советский Союз, диссиденты и их приверженцы напрямую ставили вопрос о правомочии коммунистического эксперимента и советской империи как таковой. Складывается впечатление, что диссиденты всегда были на шаг впереди других участников общественного дискурса. Это привело также к тому, что новый политический спектр постсоветской России формировался не по признакам различий между фракциями поздней КПСС, а на базе тех разногласий, которые определяли структуру конфликтов в диссидентском движении еще во времена Брежнева. В 1990 году либерально-демократические, так и ультранационалистические идеи, которые имели своим происхождением не столько полуофициальные культурные круги СССР, сколько диссидентское движение, определяли, что и как обсуждалось в распадающемся СССР. Хотя впоследствии многие диссиденты вновь потеряли свой вес в общественной жизни, а сегодня среди их числа встречаются лишь немногие влиятельные политики и публицисты, постановка вопроса и ответы диссидентов сыграли в начале девяностых важную роль в формировании постсоветского политического ландшафта, его группировок и основных убеждений.

Тем самым Хорват делает немалый вклад в реабилитацию считающегося до сих пор лишь слабым и имеющим незначительные последствия русско-советского диссидентского движения и присваивает ему место в новейшей российской истории, которое оно до сих пор не имело. Кроме того, его анализ националистических диссидентов представляет собой важный, до недавних пор недостаточно освещенный частный аспект, наследие которого снова значительно возросло в течение последних лет. Хорват, несомненно, одарен риторически, и в своем труде, насыщенном эффективной полемикой и многочисленными фактами, смог поставить под сомнение преобладающие до сих пор, сфокусированные на советские элиты объяснения, почему и как развалилась советская система.

Остается только надеяться, что это исследование будет переиздано в мягком переплете и/или переведено на другие языки, и тогда будет продаваться по более доступной отпускной цене.

Андреас Умланд

(Перевод с немецкого: Елена Сивуда)

P. Hoffmann. STAUFFENBERGS FREUND. DIE TRAGISCHE GESCHICHTE DES WIDERSTANDSKÄMPFERS JOACHIM KUHN. München: Verlag C.H. Beck, 2007, 246 S. [П. Хофман. Друг Штауфенберга. Трагическая история борца Сопротивления Иоахима Куна. Мюнхен, 2007, 246 с.]

Трагическая и героическая судьба участника заговора германских военных против Гитлера майора генерального штаба Иоахима Куна (1913–1994), описанию которой посвящена книга профессора университета МакГилл из города Монреалья (Канада) П. Хофмана, давно находится в сфере научных интересов как автора книги так и автора рецензии¹.

Майор Кун с сентября 1943 г. участвовал в антигитлеровской оппозиции: он входил в группу офицеров, которые готовили покушения на Гитлера в 1943 и

---

1 Chavkin B., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands. – Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2001, №1, S.355–358, №2, S.355–402; Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из Центрального архива ФСБ России. Предисловие и комментарий А.М. Калганова и Б.Л. Хавкина. – Новая и новейшая история, 2002, №3 (далее: Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г.); Хавкин Б.Л. Гитлер и Сталин против майора Куна. – Новое время, 2002, №11; Khavkin B. Major Kuhn. Ein unbekanntes Mitglied des deutschen Widerstandes vom 20. Juli 1944. – Militärgeschichte, 2005, №3; Chavkin B. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte. Stuttgart 2007, S.91–136.

1944 г.² Через неделю после неудачного покушения на Гитлера, предпринятого 20 июля 1944 г., Кун добровольно сдался в советский плен. В плену он дал подробные показания о заговоре против Гитлера и показал тайник, где были спрятаны документы заговорщиков. В 1951 г. Кун был в СССР несправедливо осужден³. После возвращения из плена в 1956 г. Кун жил в ФРГ один в бедности и забвении, и умер в 1994 г. в баварском городке Бад Брюкенау.

Документы Куна, активного участника антигитлеровского Сопротивления в вермахте, – уникальный исторический источник как по германской, так и российской истории: Кун был приговорен и в «третьей рейхе» и в СССР – Гитлером как «участник покушения и перебежчик», Сталиным как «военный преступник».

Более полувека история Куна мало интересовала германскую общественность⁴.

Благодаря подарку, преподнесенному первым президентом России Б.Н. Ельциным канцлеру ФРГ Г. Колю в 1997 г., хранившиеся в России материалы о Куне попали в Германию даже раньше, чем стали доступными для российских исследователей в связи с реабилитацией Куна в 1998 г.

О подарке Ельцина Колю П. Хофман писал еще в 1998 г.⁵, не указывая при этом, что подарок Ельцина в итоге оказался не в архивах и научных центрах ФРГ, а у Хофмана в Канаде. Как пишет Хофман, канцлер ФРГ «просил его дать отзыв о ценности документов» (с. 7).

Лишь через 10 лет после передачи на высшем уровне русской стороной германской стороне документов по делу Куна, в Германии, наконец, издана книга об этом герое Сопротивления. «Кун, – пишет П. Хофман, – был трагическим героем большой моральной силы. Он не принял выбор между позорной смертью и самоубийством. За это он расплатился 11,5 годами жизни, проведенными в заключении и еще 38 годами, прожитыми в состоянии внешней и внутренней изоляции, принесшими несчастье ему самому и другим» (с. 165–166.).

Нам хотелось бы остановиться на историографической и источниковедческой сторонах работы П. Хофмана, что собственно и составляет научную новизну исследования.

Канадский историк пишет, что, его «книга в основном основана на первоисточниках» (с. 8.). Важными первоисточниками по исследуемой теме являются документы из российских архивов. К сожалению, владение автора монографии

---

2 Из письма шефа полиции безопасности и СД Кальтенбрунера рейхслайтеру Борману от 10 августа 1944 г. – Spiegelbild einer Verschwörung. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Stuttgart 1984, S.190, 193–194.

3 Кун был посмертно реабилитирован в 1998 г. – Определение №Н-240 Военного суда Московского военного округа от 23.12.1998 г.

4 Weickmann D. Lange im Schatten. – Die Zeit, 04.X.2007.

5 Hoffmann P. Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes. – Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.VII.1998.

русскими источниками и литературой, а также этическая сторона его работы, оставляет желать лучшего.

Публикация известных в России с 2000 г.⁶ документов заговора против Гитлера 1943 г., осуществленная в 2007 г. в германском «Ежеквартальном журнале по современной истории»⁷ и представленная как «открытие Хофмана, сделанное им в архиве советской тайной службы»⁸ вызвала острую критику⁹. Об этом нам уже доводилось писать в немецкой прессе¹⁰.

Характеризуя источники по исследуемой теме, биограф Куна подчеркивает, что «источники редки, разрознены и различаются по своей достоверности» (с. 8). Но вместо того, чтобы дать анализ источников, систематизировать их и определить степень их достоверности, П. Хофман выдвигает голословные обвинения в адрес российских архивистов, забывая о том, что именно российские архивисты сохранили документы Куна для потомков, что собственно и сделало возможным появление книги Хофмана.

Канадский историк пишет, что в Центральном архиве ФСБ России (ЦА ФСБ) «исчезли из своих конвертов солдатская книжка, водительские удостоверения, охотничий билет, отпускное свидетельство и 7 фотографий Куна. Среди пропавших документов есть и те, фотографии которых Борис Хавкин опубликовал в 2002 г. в "Московской немецкой газете"»¹¹ (с. 8.), причем дату публикации Хофман называет неверно (с. 211, прим. 7.).

Отметим, что хранящиеся в ЦА ФСБ России личные документы Куна никуда не пропали. Они были изъяты из дела в связи с их пересъемкой (иначе их копии не могли быть опубликованы) и хранятся в архиве в отдельном конверте. Незнание канадским историком обычной для российских архивов практики отдельного хранения фотографий и личных документов объясняется просто: П. Хофман никогда не был в ЦА ФСБ. Новые материалы по делу Куна, которые П. Хофман не «открывал» и не мог «открыть» в российских архивах, так как не работал в

---

6 Калганов А.М. Покушение на Гитлера 20 июля 1944. – Тайные страницы истории, М., 2000, с.308-316; Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г.

7 Hoffmann P. Oberst i.G. Henning von Tresckow und die Staatsstreichpläne im Jahr 1943. – Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2007, №2.

8 Ibid., S.331.

9 В письме автору этой рецензии главного редактора журнала «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» д-ра Ханса Воллера от 27 мая 2007 г. в связи с публикацией П. Хофмана отмечается, что «г-н Хофман во введении обязательно должен был написать, что публикуемые нами документы уже были опубликованы Вами, хотя и не полностью». См. также: Mitteilung der Redaktion. – Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2007, №1, S.151-153.

10 Zu guter Letzt: Ein Streit unter Theoretikern. – Die Welt, 5.VII.2007; Boris Chawkin. "Spektakulärer Fund" längst publiziert. – Süddeutsche Zeitung, 07/08. VII.2007.

11 Chavkin B. Verdächtigungen an beiden Fronten. Joachim Kuhn hat das Attentat auf Hitler mit vorbereitet – und saß dafür in sowjetischen Gefängnissen. – Moskauer Deutsche Zeitung, 22.02.2002.

них, были недавно опубликованы нами (см. документальное приложение к этой рецензии)¹².

Автор монографии допускает известное упрощение и отходит от принципа историзма, когда утверждает, что «советское правительство рассматривало участников заговора 20 июля (1944 г. – Б.Х.) как врагов» (с.86). Врагом Сталина и его союзников по антигитлеровской коалиции была не антигитлеровская фронда германских военных, а «третий рейх» и его фюрер. В Советском Союзе отношение к заговору 20 июля 1944 г. было неоднозначным и изменчивым, причем «первая реакция Москвы на покушение (на Гитлера. – Б.Х.) была позитивной»¹³. Об интересе Сталина к заговору германских военных против Гитлера свидетельствует тот факт, что Кун, под руководством офицеров «Смерш», писал «доклад "для Сталина"» (с. 88, 91, 98).

Биограф Куна отходит от принципа историзма и в том, что не показывает эволюцию антифашистских взглядов своего героя. Кун, по П. Хофману, становится противником Гитлера в 1942 г. сразу же, как только знакомится со Штауффенбергом и попадает под его влияние. Глава «Штауффенберг привлекает Куна» начинается так: «С 13 мая 1942 г. до конца января 1943 г. Штауффенберг [...] был начальником Куна. Политические взгляды Куна и его представления о жизни полностью совпадали со взглядами Штауффенберга» (с.16). Причем далее П. Хофман как биограф Штауффенберга¹⁴ рассказывает о взглядах и антигитлеровской борьбе Штауффенберга, а не Куна.

К сожалению, в монографии, на первый взгляд, фундаментально оснащенной ссылками на источники и литературу, зачастую прослеживается историографическая небрежность ее автора. Например, П. Хофман, со ссылкой на «Военно-исторический архив» (с.7, с.211 прим. 2) пишет, что в «Военно-историческом архиве» В.К. Виноградовой и В.П. Гусаченко был опубликован русский перевод рукописи Куна. Однако публикация В.К. Виноградова (а не Виноградовой) и В.П. Гусаченко была напечатана не в «Военно-историческом архиве», а в «Военно-историческом журнале»¹⁵. Эта публикация представляет собой не перевод рукописи, а перевод фрагментов, как сказано в этом журнале, «Собственноручных по-

---

12 Viktor Abakumov über die Umsturzpläne der deutschen Militärs von 1943 – zu einer Publikation von Peter Hoffmann. Vorbereitet und kommentiert von Boris Chavkin. – Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2007, №1, S.156–162.

13 Finkler K. Die Stellung der Sowjetunion und der sowjetischen Geschichtsschreibung zum 20. Juli 1944. – Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime, Köln, 1994, S.38; Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Москва, 1965; Движение Сопротивления в Западной Европе 1935–1945. Общие проблемы. М., 1990; Борозняк А.И. Германское сопротивление в трактовках отечественной исторической науки. – Германия и Россия: события, образы, люди. Вып.1, Воронеж, 1998.

14 Hoffmann P. Stauffenberg und der 20. Juli 1944. München, 1998.

15 За кулисами «Третьего рейха». Провал операции «Валькирия» Публикация В.К. Виноградова и В.П. Гусаченко. – Военно-исторический журнал, 1993, №3, с.77-83; №4, с.72-77.

казаний Куна от 22 сентября 1944 г.»¹⁶. Хофман не провел сравнительного анализа немецкого и русского текста показаний Куна¹⁷ и посчитал эту дату датой русского перевода (с. 183). В качестве доказательства датировки русского перевода 22 сентября 1944 г. автор делает ссылку на лист 55 дела Р-46988 ЦА ФСБ (с.241, прим. 1), не содержащий названной им даты. Но на следующей странице книги ее автор, противореча сам себе, дает иную, более реальную датировку русского перевода «Собственноручных показаний» Куна: 4 сентября 1944 г. (с.184).

Что касается хранящегося в ЦА ФСБ России¹⁸ и опубликованного в 2001 г.¹⁹ немецкого текста «Собственноручных показаний» Куна, то этот документ, датированный 2 сентября 1944 г., также вызывает сомнения канадского профессора. «Цифра "2" в дате вписана от руки, прямо=таки намалевана», – констатирует Хофман и делает далеко идущий вывод: этот документ «не создан Куном, а принадлежит сотруднику Главного управления контрразведки Красной Армии "Смерш", который изготовил машинописный текст» (с. 184).

Канадский исследователь не задается очевидным вопросом: кому и зачем это было нужно? Зато он ставит под сомнение достоверность показаний Куна, подтвержденную его собственноручной постраничной подписью (тем самым юридически документ становится аутентичным рукописи). Этому документу и было дано, разумеется, не Куном, а следователями «Смерш», бюрократическое юридическое название «Собственноручные показания», которое встречается во многих других следственных делах. Но следователи Лубянки могли продиктовать Куну форму, но не содержание документа, основанного на его показаниях.

Хофман пишет, что «нет признаков солидарности Куна с руководством СССР» (с. 164). Однако «Собственноручные показания Куна» свидетельствуют об обратном: Кун добровольно пошел на сотрудничество, а значит, в чем-то солидаризовался, с советской стороной, разумеется, не на уровне ее руководства, (куда он лично допущен не был, но зато попали его показания²⁰), а на уровне офицеров контрразведки: « беседы с советскими офицерами [...] переубедили меня. 4 августа (1944 г. – Б.Х.) я обратился к [...] русскому штабс-офицеру и выразил желание дать важные показания [...] Я был доставлен в Москву. Здесь в беседах с советскими офицерами еще раз подтвердились мои первые впечатления, поэтому я решил сделать следующее заявление» (с.188-189).

---

16 Датировка документа 22 сентября 1944 г. повторяется дважды в двух номерах журнала. – Военно-исторический журнал, 1993, №3, с.72; №4, с.77.

17 См.: А.М. Калганов и Б.Л. Хавкин. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г., с.148-179.

18 ЦА ФСБ России. Дело по обвинению Куна Иоахима, Р-46988.

19 Chavkin B., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands. – Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2001, №1, S.355- 358, №2, S.355-402.

20 «Справка. Первый экземпляр направлен для информации ГКО. Оперуполн. 2-го отдела Гл.Упр. "Смерш" капитан Копелянский». – ЦА ФСБ России, д. Р-46988, л. 55.

Автор книги прав, когда пишет, что стилистически этот текст не соответствует «стилю, принятому у немецких военных» (с. 184). Но Кун, даже если он писал эти слова под диктовку следователя "Смерш", собственноручно подписал свой машинописный текст и тем самым авторизовал его. Кун сознательно, называя факты и имена, информировал советское руководство о заговоре германских военных против Гитлера. Как признает сам П. Хофман, «Кун, находясь в плену, последовательно продолжал свое Сопrotивление Гитлеру, вследствие чего он давал информацию советскому руководству, сообщая имена, факты, личные данные, используя которые оно могло бы по возможности быстрее окончить войну» (с.164).

В книге П. Хофмана есть и другие историографические и фактические ошибки. Умершего в 2007 г. графа Г. фон Айнзиделя П. Хофман из правнуков Бисмарка превращает во внука (с. 83). Причем, упоминая воспоминания Айнзиделя о Куне (с. 83), П. Хофман датирует эти воспоминания 2002 г. Речь же идет об опубликованном в «Форуме»²¹ письме Айнзиделя автору рецензии от 15 октября 2001 г. (с. 228, прим. 16). При этом приведенной П. Хофманом на стр. 83 цитаты из сообщения лейтенанта Вильмса о Куне, прочитанного Айнзиделем в августе 1944 г., в упомянутом письме Айнзиделя нет.

К сожалению, биограф Куна не приводит другую цитату из воспоминаний Айнзиделя о Куне, которая, на наш взгляд, является ключевой для понимания судьбы Куна после возвращения в Германию из советского плена: «В ФРГ нужно было вечно стыдиться того, что ты перешел к русским. Да и после того, как с ним обращались в ЧК, он не поумнел... Человека, который был так сломлен жизнью, как он, не хотели представлять в качестве "борца Сопrotивления". Да и то, что среди заговорщиков были люди, которые рассматривали СССР как возможного партнера, было в 50-е годы, в разгар «холодной войны», запретной темой. И так, его похоронили еще при жизни. Он пал жертвой не только Гитлера и Сталина, но и жертвой насквозь лживой исторической легенды»²².

Борис Хавкин

---

21 Einsiedel H. Erinnerungen an Major Joachim Kuhn. – Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2002, №1, S.344-349.

22 Ibid., S.348; Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г., с.159.